

## ТЕТУШКА ДАНИИЛА ПЕРВОГО

---

КОЛЕН ВИЖАР

---

Жанр пьесы в одном действии *Тетушка Даниила Первого*, печатаемой впервые, очень своеобразен. Можно было бы назвать ее "драматизированными мемуарами", хотя она отнюдь ими не является. Ее автор пережил богатую литературную эпоху, дружил с Хармсом и Введенским, участвовал в их эстетико-литературных исканиях, был привилегированным свидетелем самого установления принципов новой поэтики. В знак памяти о друзьях и целой эпохе К. В. решил напечатать эту "мемуарную" пьесу, пользуясь эстетическими принципами, приемами, подходом к действительности самого Хармса.

Конечно, реконструкция этой эпохи возможна, до известной степени, лишь на основе мемуаров из-за утраты большого количества фактического материала. Следует, однако, признать, что большое количество мемуарных писаний (часто принадлежащих "очевидцам-самованцам") частично исковеркало правдивую историческую перспективу литературного процесса русского авангарда.

К сожалению, даже при поверхностном анализе дошедших до нас литературных материалов обериутов можно заметить, как многие старания (хотя и благородные) собрать литературное наследие Хармса, Введенского и др. очень недостаточны с текстологической и филологической точек зрения. Несмотря на попытки молодых исследователей, поэтика ОБЕРИУ до сих пор не вполне оценена.

Подход К. В. совсем иного порядка, это переосмысление ОБЕРИУ изнутри его поэтики, он подтверждает тесную связь, существующую между литературоведением и творческим процессом в методе старшего поколения опоязовцев (Тынянов и Шкловский были и писателями, Якобсон – автор заумных стихов).

Пьеса К. В. – художественная репродукция среды, творческого быта, но, главным образом, особенно в словах самого Хармса, – это реконструкция его художественного мышления, его подхода к языковым средствам на основе не только его литературных произведений (пьеса отнюдь не литературное подражание), а также более комплексного материала, включая устную речь, мимику.

Итак, это сочинение, где, между прочим много и важного литературоведческого материала (см., например, указание на рисунок К. Малевича, публикуемый также впервые), является своеобразным способом вспоминать о друге, воскрешая литературный дух тех встреч, тех вечеров в Ленинграде, когда, уже оторванные от мира, молодые поэты в полной изоляции вырабатывали новую поэтику, опередившую такого рода литературные искания на Западе.

Пьеса – это также диалог между самим К. В. (Христофоров в пьесе) и его другом-поэтом. И это, пожалуй, мне кажется, самое важное свидетельство силы тех идеалов, которые одушевляли всю историю последнего новаторского движения в России.

СТЕФАНО ГАРДЗОНИО

## ТЕТУШКА ДАНИИЛА ПЕРВОГО (нечто в одном действии)

голоса Времени, друзья сердца!  
Миларайба

*Тьма крошечная. Медленно начинает светать. Все ярче и ярче. Солнечный полдень. Даниил Хармс, словодержец, еще спит. Приехавший из Москвы друг его Алексей Христофоров проснулся, но не встает и рассматривает большой рисунок на стене, который, на первый взгляд, кажется неумелым: бородатый мужик левой рукой опирается на спинку стула, а правой яростно хлещет кнутом по столу. Рисунок непредставим вне этой небольшой квадратной комнаты, где даже воздух веет ненавистью к здравому смыслу. Необычайная и тончайшая графика на самодельном абажуре висячей лампы: сказочные дворцы и храмы, построенные по законам мнимой симметрии.*

*Спящий внезапно вскакивает с постели, синеглазый, светловолосый, смуглотелый. По его лицу змейкой промелькнула и куда-то юркнула улыбка. Христофоров хочет угадать, чему он улыбнулся: неуловимым соблазнам памяти или молниеносно прорезавшей грозовую тучу строке. В это мгновение поэт громко, властным грудным голосом произносит:*

*Слова сложились как дрова,  
В них смыслы ходят как огонь.*

*Христофоров смотрит на него, как на чудесное явление природы.*

**ХАРМС:**

Во сне я видел ту, которая меня родила. Она была чем-то встревожена и безмолвно написала мелом на черной доске два слова: "Бойся книгопечатания". Она умерла давно, но продолжает меня охранять. Опасение, однако, напрасное. Мне ненавистна даже обыкновенная пишущая машина. Вы видели: в моих записных книжках буквы неровно покрывают и лицевые и оборотные стороны листков.

**ХРИСТОФОРОВ:**

Более трепетного и своевольного почерка я не видел. Каждая буква похожа на птенца, проклюнувшего скорлупу и сразу постигшего тайну движения. А поэзия, слава Богу, существовала и будет существовать независимо от книгопечатания. Guten Tag, Guten-berg!

**ХАРМС:**

В моем сне ничего загадочно нет, а вот ваш сон, не сомневаюсь, озадачил бы самого Фрейда.

**ХРИСТОФОРОВ:**

Ладно, расскажу. Немолодая дама в черных кружевах, роскошное вечернее платье времен наших бабушек. Вежливо спрашиваю: "Что вам угодно, мадам?" Отвечает почти презрительно: "Я – дочь Гоголя!" Я (робко): "Разве у Гоголя были дети?" Она (голосом фурии): "У Гоголя было много детей!" C'est tout.

**ХАРМС (усмехнувшись):**

Ну, просто восхитительный сон. Если бы эта встреча вам не приснилась, ее следовало бы сочинить. А сейчас я никак не

могу придумать имя для потомка викингов, имя, заменяющее маску. В отличие от своих бесстрашных предков он не считает почетным место за пиршественным столом в Валгалле. У этого подонка трусливо бегающие глаза (два белых таракана) и алчная пасть издателя классической книги о кулинарном искусстве, составленной его старшим другом и собутыльником. Придумайте имя издателя и название издательства.

ХРИСТОФОРОВ:

Издательство — "Гинья", издатель — Ян Бенедикт!

ХАРМС:

Отлично! Богобоязненная маска церковного сторожа, такая может внушить полнейшее доверие...

*Улыбаясь, что-то записывает. Потом лицо его мрачнеет, он прикасается руками к клавишам фисгармонии, которая отвечает густым грозным урчанием.*

ХРИСТОФОРОВ:

Даниил Иванович, не скажете ли, что такое заколдованный круг?

ХАРМС:

Скажу: это такой круг, в который одни не могут войти, а другие не могут из него выйти.

ХРИСТОФОРОВ:

Коротко и ясно. (Взглянув на часы). Уже двенадцать. Через полчаса придет Яков Семенович Друскин. Вчера он рассказывал о философе, который жил в приневской столице в конце прошлого столетия. Имени его нет в самых толстых словарях любомудрия. Он умер молодым, не дожив и до тридцати лет. Тоскуя по жизни, он искал одиночество и его блеск.

ХАРМС:

Друскин сегодня не придет. Захворал. К сожалению, мудрость не избавляет от слабого здоровья.

ХРИСТОФОРОВ:

Какая печальная новость. У него пальцы — звуковидцы, а

сам он полон неизъяснимой тишины.

ХАРМС:

Без него эти клавиши скучают. Его игра особенно прекрасна, когда он смотрит куда-то вбок или закрывает глаза.

ХРИСТОФОРОВ:

Зато в ваших глазах я снова вижу ночную улицу и угрюмый дом без фонаря и номера.

ХАРМС:

Вы почти угадали. Сегодня мы пойдем к яйцеголовому изобретателю. Этот естественный мыслитель изобретает нечто сверхъестественное.

ХРИСТОФОРОВ:

Тайна?

ХАРМС:

Не совсем. Он пытался мне кое-что растолковать, но я просто ничего не понял. Вы, вероятно, замечали: когда проносится автомобиль, за ним мчатся пыльные уличные бумажки.

ХРИСТОФОРОВ:

Видел и не раз. Машинный вихрь не только не отшвыривает их, а, наоборот, притягивает, как магнит, правда, на мгновение.

ХАРМС:

Вот на этом и основано его таинственное изобретение.

ХРИСТОФОРОВ:

Он молод?

ХАРМС:

Лет тридцать семь. Ни имя его, ни фамилия мне неизвестны. Не счел нужным сообщить. Мы познакомились случайно, столкнувшись лбами в темном переулке: было больно. Яйцеголовый очевидец таинственных явлений живет и работает в бывшей продовольственной лавке. Там просторно, но душно. На больших окнах – плотные черные занавески. Вход

со двора. Своих приятелей яйцеголовый принимает только ночью. Мы пойдем к нему в двенадцать часов. Недавно умер самый храбрый из его друзей, по прозвищу Смертогон. Он служил у богатого старика, бывшего капитана дальнего плавания. С большим японским веером в руке друг яйцеголового сидел у постели старика и отгонял самую назойливую муху – смерть. Все кончилось бедой непоправимой. Служба оказалась настолько тяжелой, что бедняга Смертогон умер на четыре минуты раньше своего работодателя.

ХРИСТОФОРОВ:

Об умирающем обычно говорят "ему каюк", а Крученых перелев на собственный рык: "ему кандрюк".

ХАРМС:

Мне больше нравится слово "каюк": в нем уютно, как в "ладье мертвых".

ХРИСТОФОРОВ:

Предпочитаю "кандрюк" — слово какое-то каторжное.

ХАРМС:

Да, это рубка, удар топора.

ХРИСТОФОРОВ (*после паузы*):

И вам не надоели бессмысленные деяния руконогих?

ХАРМС (*отшатываясь*):

Ну что вы: это неиссякаемый источник вдохновения. Бессмысленный поступок — качель, приводимая в движение глухонемым бесом ужаса и быстроглазами чертиками смеха. Кстати: не хотите ли сейчас побывать в аду?

*Христофоров смотрит на него вопросительно.*

ХАРМС:

Внимание! Ад!

РАДИО:

Хррррхаар-кх-кхр-кххх-руууу-пхрр-ауаарр-и-и-и-хрууур-оорх...

ХРИСТОФОРОВ *(прижимая руки к ушам)*:

Даниил Иванович! Довольно! Довольно! Глохну! Удушье!  
Спасите меня от жизни, спасите!

ХАРМС:

Алексей Андреевич, подобно мне, вы – человек с небольшой погрешностью, поэтому вам хорошо известно, что спасения нет. Я вам уже говорил, что лучше станет лет через 500, не раньше.

ХРИСТОФОРОВ:

Ваше предвидение, Даниил Иванович, отделено от своего осуществления слишком долговременным промежутком.

ХАРМС:

Ваша нетерпеливость, Алексей Андреевич, не позволяет вам поверить в чудо предвидения. Потерпите. Тем более, что слово терпение содержит в себе слово пение. Поэтому послушаем еще немного.

РАДИО:

И - ии - хрр - хрруу - кхии - крыххр...

ХРИСТОФОРОВ:

Даниил Иванович, прекратите. Имейте в виду: у меня есть противоядие. Сильнейшее.

ХАРМС:

Я буду вам чрезвычайно признателен, Алексей Андреевич, если вы сообразовите сообщить рецепт вашего противоядия.

ХРИСТОФОРОВ:

Рецепт написан на свободном заумном языке. Стишок Алексея Крученых, тот самый...

ХАРМС *(восторженно)*:

Вещь просто удивительная. Вещь вещуна. Как вы думаете: молитва это или заклинание?

ХРИСТОФОРОВ:

Не знаю. Уверен только, что эти небесно-бесьи звуки не ум-

рут никогда и будут реять даже во вневременном пространстве. Там будут они перекликаться с другими бес-телесными голосами.

ХАРМС:

Если мне не изменяет память, это любимейшее стихотворе-ние Александра Ивановича.

ГОЛОС ВВЕДЕНСКОГО ИЗДАЛЕКА:

Го оснег кайд  
М р батульба  
Сину ае ксел...

ХАРМС:

До чего самовластно! Чудотворство. И Введенский, как это ни странно, прочел просто ангельским голосом.

ХРИСТОФОРОВ:

Александр Иванович, ау, вы где? Ваша просьба будет ис-полнена, я непременно познакомлю вас с Крученых. Но уч-тите: главарь заумников зело злоязычен и не любит бес-толковых словотворений.

ГОЛОС ВВЕДЕНСКОГО:

Обязательно учту. Всего хорошего, спешу: меня ждет бли-жайшая подруга моей жены.

ХАРМС:

Он неисправим.

ХРИСТОФОРОВ:

Он яростен. Не кажется ли вам, что в его сухой и короткой ухмылке есть что-то непримиримое?

ХАРМС:

Он ухмыляется в пустоту, читая невидимые слова, которые никогда не будут записаны. Несмотря на это мы сегодня пойдем к изобретателю-хототарю.

ХРИСТОФОРОВ:

Благодарю.



ХАРМС:

Когда он хохочет, от его рта пахнет помойкой.

ХРИСТОФОРОВ:

Запах не из приятных, зато натуральный.

ХАРМС:

Это и хорошо, что натуральный. Яйцеголовый начинает корчиться от хохота раньше, чем я успеваю что-нибудь сказать. И это меня умиляет.

ХРИСТОФОРОВ:

Не умиляет, а умаляет. Не лучше ли пойти к неумолимому в своей правоте Малевичу. Он обещал подарить снимки с того рисунка, которым вы так восхищались: фигура крестьянина с крестообразными знаками на овалах лица, рук и ног.

ХАРМС:

Не хитрите. К Малевичу мы пойдем завтра. Никак не могу вспомнить, кто изрек: "Все летит в Ничто?" Хлебников или Малевич?

ХРИСТОФОРОВ:

В сущности это безразлично: быть может, оба, или кто-то третий, умерший задолго до Хлебникова. Не заняться ли сегодня рисованием? Где обещанные проекты жилищ для ваших друзей?

ХАРМС:

Могу показать. Вот сооруженный по последнему слову техники движущийся дом Введенского. Вот хмуро-гостеприимная усадьба Олейникова, у ворот два сфинксоподобных пса. А для вас — башня. В те дни, когда вы захотите быть в полном одиночестве, вокруг вас не будет ничего, кроме воздушной пустоты.

ХРИСТОФОРОВ:

Проекты великолепны. Мысленно поселяюсь в вашей башне. Там и я мог бы обрести дар слова и, сочинив оду, плюхнуться в воду.

ХАРМС:

Это было бы непростительным ребячеством. Стыдитесь!

Сейчас вы похожи на испуганного Будду.

ХРИСТОФОРОВ:

Простите, дорогой Орфей, больше не буду, больше не буду...

ХАРМС:

Прощаю. Прощаю. Прощаю. Вчера вечером мой отец попросил дать ему книгу для утешительного чтения. Я дал, – угадайте какую...

ХРИСТОФОРОВ:

О ваши шутки неистошимо-коварны. Разумеется, не пощадили и родного отца, благородного и самоотверженного русского народника. Догадываюсь: латинскую книгу о черной магии, изданную в XVI веке и выброшенную из библиотеки Академии Наук в мусорный ящик.

ХАРМС (*улыбаясь*):

Не угадали. Великое творение Якова Беме "Аурога или Утренняя заря в восхождении".

ХРИСТОФОРОВ:

Ну, знаете ли...

*Тихий стук в дверь.*

ГОЛОС ИВАНА ПАВЛОВИЧА:

Даня, к тебе можно?

ХАРМС (*открывая дверь*):

Папа!

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*очень спокойно*):

Возвращаю Беме. Не понял. Ни бе, ни ме.

ХАРМС (*беря книгу*):

Жаль. Слова его истины – огненные знаки Абсолюта.

*Иван Павлович безмолвно уходит.*

ХРИСТОФОРОВ:

Оказывается, у вас дар наследственный. У вашего батюшки

есть чувство юмора. Но его юмор очень, очень далек от безумия.

ХАРМС *(глядя сквозь Христофорова)*:

Глас вопиющего в пустыне, таящийся в моем имени, хорошо защищен четырехстенной крепостью согласных.

ГОЛОС НЕВЕДОМО ОТКУДА:

В пустыне получеловек,  
безносый и без век,  
вещал про Это и про То,  
а также про Ничто.

ХАРМС:

Слышали?

ХРИСТОФОРОВ:

Не слышал ничего. Вы одержимы высшей силой, а я уже начинаю завидовать тем одичалым счастливым, у которых есть прожиточный минимум благоразумия.

ХАРМС *(как бы проснувшись, упрямо)*:

А я хотел бы пожить – ну, хоть недельку – среди старожиллов желтого дома.

ХРИСТОФОРОВ:

Не думаете ли вы, что желтый дом – единственное место, где чувствуешь себя как дома?

ХАРМС *(утвердительно кивает головой)*:

Итак решено: сегодня мы пойдем к яйцеголовому. Днем он изобретает, а ночью скудно пирует с Матильдой Птикс, рыжеволосой полукрасавицей, приехавшей из Риги. Она выше своего любовника на целую голову, а это с моей точки зрения весьма унижительно для мужчины. Матильда невозмутимо молчалива и пристально всматривается своими немигающими рыбьими глазами в лица ночных гостей. Куда легче рассмешить каменную скифскую глыбу. Зато яйцеголовый хохочет за четверых.

ХРИСТОФОРОВ *(яростно)*:

Долой хохотарей! Проклятье невозмутимым!

**ХАРМС:**

А бумажка, с мыслящей силой бегущая за машиной – трехсекундный порыв, но, быть может, этого достаточно, чтобы погубить или счастливить мир.

**ХРИСТОФОРОВ:**

Неужели головой хохочущего идиота думает вселенная?

**ХАРМС:**

Вполне возможно. Не будем презирать идиотов, они по своему очень рассудительны и способны действовать, да еще как! Например, наш друг Башилов. Разве умопомешательство ему помешало стать настоящим художником?

**ХРИСТОФОРОВ:**

Башилов – художник. Движение цвета на его деревянных кубиках – торжество ритма и гармонии.

**ХАРМС:**

Его кубики похваливает сам Малевич.

**ХРИСТОФОРОВ:**

Малевичу все равно: пятак или рубль, — были бы настоящие.

**ХАРМС:**

А вот Филонов, к которому Башилов явился, набив все свои карманы кубиками, художником его не признал и выгнал.

**ХРИСТОФОРОВ:**

Выгнал? Какое безобразие!

**ХАРМС:**

Выгнал. Побегал за ним вокруг стола, поймал и вытолкал.

**ХРИСТОФОРОВ:**

Вытолкал?! Ну и зрелище! Длинный скелетообразный Филонов и маленький горбун Башилов. Филонов-тайновидец, вообразивший себя железобетонным безбожником. Поэтому он так беспощаден...

**ХАРМС:**

Но Башилов десятиминутным своим визитом весьма доволен

и считает себя победителем. По его мнению, поступок Филонова объясняется обыкновенной завистью.

*Внезапно открывается дверь. У порога стоит, улыбаясь, Башилов. На нем чистейшая белая рубашка, выстиранная его заботливой сестрой. Он входит по хозяйски, как в собственную комнату.*

**БАШИЛОВ** *(радостно)*:

Даниил Иванович, на вашей улице я встретил двух за-а-а-мечательных прохожих: кругломордого, как ноль, и узкоскулого, как нуль...

**ХАРМС** *(сурово)*:

Милейший, у тебя подгуляла память. Ты пришел в назначенный час, но на день раньше. Не ждали-с.

**БАШИЛОВ** *(смущенно)*:

Как родственники на картине Репина? Жаль, что забыл втянуть ноздрями двойную порцию сливочного масла. Это смягчает мозг и способствует улучшению памяти. Проверил на всех своих пациентах.

**ХРИСТОФОРОВ** *(испуганно)*:

У него есть пациенты?

**БАШИЛОВ** *(горделиво)*:

Да-с. Семеро. И все на "а": Анатолий, Аркадий, Александр, Ангелина, Анастасия и Александр второй. И кроме этого я умею напяливать топор на голую ногу.

**ХАРМС**:

До свидания, Башилов. И помни: чем медленнее ты будешь идти домой, тем скорее наступит завтра. Понял?

**БАШИЛОВ**:

Понял. А подарки, так и быть, примите сегодня. Люблю праздных людей.

*Торопливо дает Хармсу и Христофорову по кубику и, прощально махнув рукой, убегает. Возвращается, крича: "Чуть не забыл!"*

**БАШИЛОВ**:

Вот – вчерашний рисунок, по моему очень, очень удачный.

Оставляю для просмотра. Завтра унесу обратно.

*Кладет листок из блокнота на фисгармонию и убегает.*

ХАРМС (взяв листок):

Экспонат для Эрмитажа муравьев и божьих коровок. Сейчас увеличим...

*Вытаскивает из под кровати проекционный фонарь и, приколов к стене простыню, демонстрирует рисунок.*

*У чахлого дерева, на стуле сидит милостивый государь весьма почтенной наружности. На голове цилиндр, правая рука опирается на ручку черного зонтика. Над господином – паукообразное солнце. Лучевыми лапками оно почти касается его головы. Внизу написано синим карандашом: "В ожидании ненастной погоды".*

ХАРМС (весело):

Нравится?

ХРИСТОФОРОВ:

Очень. Но, кажется, это намек на вас, известного всему городу любителя зонтиков.

ХАРМС:

Не думаю. А впрочем...Послезавтра я познакомлю вас с самой глупой женщиной этого города, бывшей моей женой. Она очень мила и совсем не обидчива. Мы будем гулять с нею по Невскому дней семь, не дольше. Через неделю ее глупость утрачивает все свое очарование.

ХРИСТОФОРОВ:

Неужели она не поумнела после супружества с вами?

ХАРМС:

Нисколько. Но она была прекрасна, когда безмолвно любовалась своим отражением в настенном озере зеркала.

ХРИСТОФОРОВ (после продолжительной паузы):

Я почему-то вспомнил скрипку Эйнштейна. Любопытно, на каком инструменте играет яйцеголовый?

ХАРМС:

Алексей Андреевич, у вас нездоровое любопытство.

ХРИСТОФОРОВ:

Даниил Иванович, в эту минуту на вас укоризненно смотрят Букстехуде, Бах и Моцарт.

ХАРМС (*саркастически ухмыляясь, хочет ответить, но вдруг вскрикивает*):

Тетушка! Из Царского села!

*Тетушка (сестра покойной матери Хармса) – высокая, худая, в черном платье входит торопливо. Схватив племянника за руки, она смотрит на него долгим, тревожным, любящим взглядом.*

ТЕТУШКА:

Даня, ты здоров?

*Хармс в своих коротких серых штанах похож на мальчика, задумавшего очередную шалость.*

ХРИСТОФОРОВ (*почтительно наклонив голову*):

Ваш племянник совершенно здоров. Должен вам сказать, что он величайший русский поэт современности. Единственный наследник Велимира Великого. Король русской поэзии Даниил Первый.

*Подмигнув Христофорову, Даниил Первый синеглазо улыбается тетушке.*

ТЕТУШКА (*радостно*):

Благодарю вас, Алексей Андреевич! Мне так приятно...я так взволнована... простите, хочу подышать, пойду в скверик, посижу у фонтанчика...(уходит).

ГОЛОС СОЗНАНИЯ ХРИСТОФОРОВА:

Только не вздумай себя обманывать, ты не Смертогон. Его никто, никто не спасет. Ведь он откуда-то оттуда...Разве тебе не страшно за него, когда он ходит по улицам. Беззащитнейший агнец. Его может убить каждый.

ХРИСТОФОРОВ:

По моей спине забегали морозные мурашки. Их испугал стук моего сердца.

ХАРМС (*подозрительно*):

Я слышал голос вашего сознания. Но я ни в чем не виновен. Или это шуточная угроза чревовещателя (*неуверенно улыбается*).

ХРИСТОФОРОВ (*его трясет озноб*):

Так шутит только рок. Вас обвиняют в свирепейшем тиранстве. Знаете ли вы, кто узник вашей грудной клетки? Бог. Да, да, вы его тюремщик. Такого могущества вам не просят.

*В комнате темнеет.*

ГОЛОС НЕВЕДОМО ОТКУДА:

Где он, Вещего наследник?  
На тропинке – ни следа.  
Где он Первый и Последний?  
Знает мертвая вода.

ХАРМС:

Мне страшно. У меня стеклянеет голова. Каждый сможет прочесть мои мысли. Дайте мне черную повязку. Скорее! Я буду защищаться бешено.

ГОЛОС ИЗ ГРУДНОЙ КЛЕТКИ:

Все, что должно сбыться, сбудется.

*Мгла в комнате сгущается.*

*Сидя у фонтанной клумбы, тетушка блаженно улыбается и шепчет:  
"Сегодня самый счастливый день в моей жизни. Какая высокая судьба.  
Король русской поэзии..."*

ГОЛОС НЕВЕДОМО ОТКУДА:

Когда во мгле за словом слово,  
мерцаая смыслами, проносится,  
архангел Даниил сурово  
глядит, насупив переносицу...



*Фонтанная клумба. По детски лепечут струйки воды. Тетушка полудремлет. Но ее тоже поглощает тьма кромешная.*

ГОЛОС НЕВЕДОМО ОТКУДА:

Всё!

